

ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ИНДЕЙЦЕВ АНДСКОГО НАГОРЬЯ *

До сих пор среди различных авторов господствовало мнение, что до Колумба в Южной Америке и, в частности, на территории инков не существовало какой-либо письменности. Вопреки этому мнению, нам удалось, к большому нашему удовлетворению, обнаружить иероглифическую письменность древнего происхождения, которой пользуются и в настоящее время десятки тысяч индейцев.

Наше первое открытие было сделано 15 лет назад. После этого нами были опубликованы многочисленные работы по данному вопросу, в которых мы описываем местонахождение письменности и ее основные черты. Нами была издана книга, содержащая многочисленные иллюстрации и тексты на языках кечуа и аймара и переводы их, выполненные с помощью самих индейцев¹. Однако сведения о существовании данной письменности и о ее вероятном происхождении в доколумбовый период почти не нашли распространения среди ученых. Мы надеемся, что настоящая статья будет способствовать распространению этих сведений.

Письменность, о которой мы говорим, употребляется и сейчас. Ни одной древней записи пока не найдено и поэтому невозможно бесспорно доказать, что эта письменность доколумбового периода². Несмотря на это, мы уверены в древности ее происхождения. Ниже приводим данные, подтверждающие нашу теорию.

I

Индийская письменность, о которой мы говорим, употребляется в настоящее время на территории Андского нагорья в Боливии и на юге Перу. Возможно, что она распространена и в Эквадоре, но об этом нет точных данных. Наше открытие было сделано в первой из указанных стран. Индейцы, пользующиеся этой письменностью, составляли прежде основную массу населения государства инков и были покорены во времена Конкисты, т. е. они уже более четырех веков католики. Их жизнь сейчас — это жизнь мелких крестьян, живущих небольшими деревнями вокруг городов, населенных белыми и метисами. Их язык, в зависимости от провинции, или кечуа, или аймара. Очень немногие из них знают испанский язык.

Употребление письменности ограничивается исключительно написанием католических молитв, хотя по нашей просьбе и под нашу диктовку индейцами были написаны и другие тексты. Материал, на котором сейчас в основном пишут, — это бумага, причем любая, будь то даже газета: они рисуют свои знаки палочкой поверх газетного текста. Пользуются индейцы также и глиной, однако она употребляется не так, как это имело место в Вавилоне, а совершенно особым и неповторимым способом. Он состоит в том, что из глины лепят знаки размером приблизительно в 6 см и прикрепляют их потом в вертикальном положении на диск или дощечку из глины. Группа таких фигурок напоминает именная пираг со свечками с той лишь разницей, что каждая свечка имеет своеобразную форму. Прежде писали на коже, т. е. на шкуре ламы или овцы, обработанной так, чтобы можно было писать знаки на внутренней стороне. Сейчас кожа почти не употребляется. Нами была также найдена небольшая надпись на камне около 30 см длиной. Знаки на нем были выгравированы. Этот и все остальные тексты относятся ко времени после открытия Америки Колумбом.

Знаки во всех текстах похожи на так называемую пиктографию индейцев Северной Америки, а также на письмо индейцев куна (Панама), открытое в 1925 г. Норденшельдом³. Количество знаков достигает нескольких сотен, но они не передают всех слов

* Подстрочные примечания сделаны редактором русского перевода Ю. В. Кнорозовым.

¹ Имеется в виду книга: D. E. I b a r r a G r a s s o, *La escritura indígena andina*, [La Paz, Bolivia], 1953.

² В настоящее время уже удалось обнаружить несколько надписей, относящихся ко временам до испанского завоевания.

³ У индейцев куна употребляются две различные системы письма. Одна из них — сильно развитая пиктография, вторая — примитивная иероглифика. См. H. W a s s e n, *Indians documents from the Cuna Indians of San Blas, Panama*, «*Etnologiska Studier*», № 6, Göteborg, 1938.

туземного языка и сами индейские писцы изобретают знаки, необходимые для передачи какого-либо слова, которое раньше не имело соответствующего знака. Знаки имеют изобразительный характер и состоят из очень простых и схематичных линий; они изображают людей, животных и предметы обихода туземцев. По понятной причине изобудуют кресты: рукописи являются католическими молитвами.

По смыслу знаки бывают трех типов, как и в иероглифическом письме египтян и астеков: идеографические (прямо изображающие предмет), символические (иногда достаточно замысловатые) и фонетические, приблизительно передающие звуки (в этом случае название изображенного предмета пишется по звучанию слова, которое нужно написать)¹. Количество знаков каждого типа в текстах колеблется в зависимости от местности, но по крайней мере в одной из них, а именно в Сан-Лукас (департамент Чукисака), количество фонетических знаков превышает 50%. Числа передаются при помощи точек, которые иногда заменяются кружочками и черточками. Последние часто расположены на одном основании и образуют фигуру, похожую на гребень. Простота передачи цифр очень облегчает перевод текстов, так как с их помощью легко распознать различные религиозные тексты, например: десять заповедей, символ веры, милосердные деяния, церковные заповеди и т. д. А это в свою очередь облегчает определение других знаков. Но у нас почти не было необходимости прибегать к этому, так как мы всегда могли получить полный перевод у самих индейцев. У индейцев же мы купили тетради с рукописями. Мы нумеровали знаки, индейцы разъясняли нам каждый из них, после чего мы записывали его значение. Однако встречаются знаки, смысл которых индейцы не могут объяснить. Это главным образом знаки традиционные, их происхождение затерялось в прошлом.

Направления, которым следует письмо, очень разнообразны. Можно сказать, что встречаются все возможные направления. Бустрофедон обычен в этих текстах, за исключением тех случаев, когда влияние нашей письменности исказило оригинальную форму. Наиболее часто тексты (по нашему предположению, сохраняющие первоначальное расположение строк) начинаются с нижней правой стороны страницы и потом переходят в бустрофедон, идущий вверх. Другие тексты начинаются слева внизу, некоторые справа сверху, а некоторые даже слева сверху (в последних случаях очевидно влияние нашей письменности); вместе с этим наблюдается частое исчезновение бустрофедона. Что касается «глиняного письма», то на дисках знаки идут по спирали, которая начинается снаружи, а на дощечках, имеющих форму четырехугольника, употребляется бустрофедон (как на бумаге и коже). Встречается и перевернутый бустрофедон, при котором знаки переворачиваются в каждой следующей строке, как в письме острова Пасхи. Такова надпись из двух строк на найденном нами камне. Такое же расположение строк встречается в двух рукописях на бумаге, которые мы приобрели на острове озера Титикака. Несколько текстов из Паукартамбо в Перу около Куско, опубликованных Винером, дают образец вертикальной записи, которая начинается с нижней левой стороны страницы.

Для написания знаков пользуются не карандашами или кисточками, а палочками, которые обмакивают в анилиновые чернила или в какую-либо растительную краску, приготовленную самими индейцами (обычно не для письма, а для окраски одежды). Раньше, чтобы писать на коже, делали особую краску из сока растения шуншумайа (на языке аймара означает «мертвое молоко», потому что этот сок употребляется также для того, чтобы пропало молоко в груди матери). Знаки из глины изготавливаются вручную, и наряду с ними употребляются многие другие предметы (угольки, камешки, зубы, кусочки ткани, цветная шерсть, семена, колючки и т. п.). Все они располагаются вместе с другими знаками и служат прообразом того, что рисуется на бумаге. Рукопись на найденном камне была выгравирована при помощи какого-то остроконечного инструмента.

В процессе письма используют в основном два или три цвета. Только один цвет употребляется очень редко. В одном случае было употреблено даже 8 цветов. Однако эти цвета не имеют никакого значения. Индейцы применяют их только для того, чтобы рукопись была более красочной. Поэтому они стараются получить красивые оттенки цветов. Один и тот же знак может быть написан различными цветами в одном и том же тексте, так как значение имеет только форма знака, а не его цвет. Рукописи кечуа в основном многоцветны, а у аймара — большей частью одного цвета.

Что касается круга лиц, которые пользуются этим письмом, то в него может войти кто угодно, так как письменность не является собственностью какого-либо класса или особой касты. Применение иероглифической письменности для записи католических молитв способствовало ее распространению. Эту письменность знают многие женщины и дети. Родители часто лежат из глины знаки, чтобы накануне религиозных праздников научить своих детей молитвам. Они изготавливают их в самой сельской церкви или каком-нибудь соседнем доме. Записи на бумаге употребляются главным образом

¹ Ибарра Грассо не упоминает так называемых ключевых знаков (детерминативов), потому что они редко встречаются в андском письме.

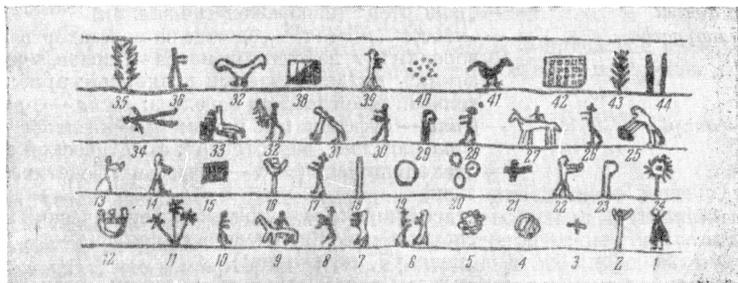
как молитвенники, и туземцы ходят с ними в церковь, чтобы правильнее вспомнить молитвы.

Степень, которой достигают туземцы в знании этого письма, различна. Большинство удовлетворяется тем, что пользуется письмом как средством для запоминания молитв, которые они должны выучить для исповеди, женитьбы и т. д. В этом случае процесс обучения очень прост. За несколько монет какой-нибудь знающий индеец обучает тому, что нужно, меньше чем за неделю. Этих индейцев мы относим к первому классу; для них письменность является мнемоническим средством. Второй класс составляют переписчики, т. е. те, кто умеет переписывать с другого текста или делать фигурки из глины, глядя на рукопись. Третья группа состоит из настоящих писцов, которые знают все знаки и могут записать по памяти молитвы. Последние под диктовку могут написать все, что угодно, хотя сами они обычно не знают ничего, кроме молитв. Лица последних двух классов часто записывают в тетради молитвы для продажи их тем, кто умеет только читать.

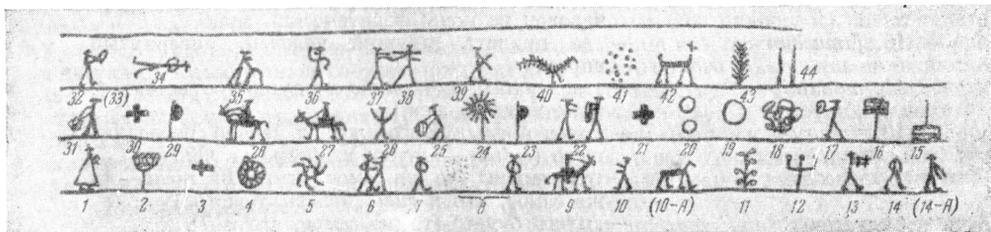
Почти все белые, которые поддерживают связи с индейцами, не знают о существовании этой письменности. Ее видели только очень немногие, но не придавали ей ни малейшего значения. Это тем более странно, что туземцы, которые ходят в церковь города Ла-Пас, обычно имеют при себе молитвенник с иероглифическими текстами.

II

Прежде чем продолжать, мы считаем необходимым привести здесь подробный перевод иероглифического текста, чтобы можно было понять в совершенстве систему письма. Это не будет трудно для того, кто интересовался древними индейскими системами письма, особенно атекской, так как андская система полностью соответствует наиболее развитым формам древнего мексиканского письма, а еще больше — записям периода после открытия Америки Колумбом (как, например, известная запись молитвы «Отче наш», начинающаяся с изображения флажка и кактуса). Чтобы лучше понять это сходство, обратимся к двум различным записям «Отче наш». Нужно заметить, что форма написания некоторых знаков колеблется в зависимости от местности, а иногда очень искажены и сами молитвы. Что касается первого, то существуют области, в которых развились локальные формы письма. Эти формы можно будет основательно изучить после того, как будет собран материал, более обширный, чем тот, которым мы располагаем сейчас (100 с небольшим страниц).

1. «Отче наш» Хулиана Герреро из Сан-Лукаса

2. «Отче наш» из тетради Окури

Оба текста, которые мы приводим, происходят из одной и той же области распространения письма: первый — из селения Сан-Лукас, второй — из Окури. Эти селения находятся в нескольких милях друг от друга в провинции Синти на юге департа-

мента Чукисака. Оба текста написаны на языке кечуа, на бумаге, в тетрадах по 17 и 18 страниц. Они были обнаружены в 1942 г. Автор первого текста из Сан-Лукаса Хулиан Герреро, земледелец, который, естественно, не знает нашей письменности. Имя второго автора, ныне умершего, неизвестно.

Рукопись из Сан-Лукаса написана двумя цветами — красным и фиолетовым (в нашем приложении фиолетовый цвет заменен черным, а красный передан с помощью контуров). Рукопись из Окури фиолетового цвета. В обоих случаях чтение начинается с нижней части страницы, но с правой стороны у Хулиана Герреро и с левой — в тетради из Окури. Строки идут бустрофедоном, вверх зигзагами, и заканчиваются двумя вертикальными черточками, которые являются орфографическим знаком конца записи. Так как каждый знак в наших копиях пронумерован, можно легко увидеть расположение строк. Каждый знак в оригинале достигает приблизительно 1 см высоты. В других рукописях они достигают даже 5 см. Это зависит от искусства писца: чем больше знаки, тем они обычно грубее.

Тексты, которые мы приводим, не совпадают между собой полностью, и, кроме того, они различаются в конце. Но общее сходство между ними очень большое. Поэтому мы предполагаем, что, несмотря на неоднократную переписку, они происходят из одного источника. Возможно, что копирование древних источников послужило основой для появления различных локальных вариантов письма.

Теперь перейдем к подробному описанию текстов и, прежде всего, приведем здесь перевод «Отче наш» на кечуа.

Yayaicu janaspachacunapi kaj, sutiycui muchaska cachun, Kapajcainiyqui ñokaicumam jamuchun, munainiyqui ruraska cachun imainachus janaspachapi jinataj cai pachapipis. Sapa punchai ttantaicuta cunan coaycu, juchaicutari pampachapayacu, imainatachus ñokaucupis ñokaicumam juchallej cunata pampachaicu jina. Amataj sachariguaycuchu guatejaiman urmacta. Allin jinari, mana allinmanta kgespichiguaycu. Amen.

Приведенный перевод был сделан с текста, взятого из народного катехизиса. Эта молитва, как и другие, имеет несколько вариантов, различающихся друг от друга в зависимости от местности. Перевод каждого слова будет дан ниже. Текст Хулиана Герреро нам прочитан подробно самим автором на языке кечуа. Предварительно мы пронумеровали каждый знак.

Текст Окури, не имеющий авторского перевода, при сравнении с предыдущим переводится легко. Приведем чтение Хулиана Герреро с краткими объяснениями, когда это необходимо и возможно.

1. Yayaicu	— „наш отец“ (изображен священник)
2. janajpacha-	— „побеса“ (<i>ppacha</i> — „одежда на подставке в виде воронки“; в действительности — диск „верхней земли“, поддерживаемый подпоркой; приближительная фонетическая передача: <i>pacha</i> — <i>ppacha</i>)
3. -cunapi	— (<i>cuna</i> — суффикс мн. числа; <i>pi</i> — послелог „в“; <i>cuna</i> или <i>copa</i> „зернотерка“; фонетический знак)
4. kaj	— „находящийся“ (<i>caja</i> — „барабан“; фонетический знак)
5. sutiycui	— „твое имя“ (<i>ttica</i> — „цветок“; фонетический знак)
6. muchaska	— „почитаемый“ (целующийся; <i>tuchana</i> — „попелуй, почитание“)
7. cachun	— „пусть будет“ (жующий человек; <i>cachu</i> — „жевать“; фонетический знак)
8. rurainiyqui	— „то, что ты сделал“ (человек с веретеном в руке; фонетический знак)
9. ñokaicumam	— „нам“ (от <i>yosa</i> — „садиться верхом“; человек на коне; фонетический знак)
10. jamuchun	— „да придет“ (идущий человек, повернутый вправо)
11. munainiy	— „твоя воля“ (<i>muña-muña</i> — „душистое растение“; фонетический знак)
12. -qui ru-	— конец предыдущего слова и начало последующего (<i>quiru</i> — „зуб“; изображена челюсть)
13. -ascata	— „сделанная“ (то же самое, что и 8; <i>rurai</i> — то же самое, что и <i>ruai</i> „делать, прясть“)
14. cachun	— „пусть будет“ (то же самое, что и 7)
15. cai pachapipis	— „на этой земле“ (<i>ppacha</i> — „одежда“; фонетический знак; см. знак 2)
16. janajpachapipis	— „и в небе“ (то же самое, что и знак 2)
17. jinallatajman	— „одинаково“, „да будет так“
18. Sapa	— „каждый“ (<i>sapa</i> — „один“, здесь означает „каждый день“; передано одной палочкой)
19. punchai	— „день“ (солнце)

20. *ttantaycuta* — „Хлеб наш“ (*ttanta* — „три хлеба“, изображены в виде кружков: хлеб в Боливии имеет форму лепешки)
21. *cinan* — „сейчас“ (*cinna* — „зернотерка“, как знак 3, однако здесь передается другое слово; фонетический знак)
22. *coriyaycu* — „дай нам“ (человек с хлебом в руке, отдающий его)
23. *juchaycu* — „и наши грехи“ (крайне стилизованное изображение человека с грузом или мешком грехов)
24. *-tari* — (частица, относящаяся к предыдущему слову; *tara* — „кактус“; фонетический знак)
25. *rampachapuaicu* — „прости нам“ (человек, выравнивающий землю; *rampai* — „выравнивать“, в переносном значении „простать“)
26. *imaina* — „так“
27. *ñokaycupis* — „как мы“ (см. знак 9)
28. *imaina* — „так“
29. *juchalli, cinaman* — „грешникам“ (см. знак 23)
30. *hina* — „так“
31. *rampachapuycu* — „прощаем их“ (см. знак 25)
32. *Amataj* — „но нет“ (человек с ребенком; *amita* — „ребенок“; фонетический знак)
33. *huatejaimin* — „в искушении“ (выслеживающий человек; *huatejca* — „выслеживать“; фонетический знак)
34. *unmajta* — „падать“ (падающий человек)
35. *saquehuaycutajchu* — „нас оставляешь“ (*saca-saca* — „растение“; фонетический знак)
36. дополнение к предыдущему
37. *Allin* — „хороший“ (*gallina* — „курица“; из испанского; фонетический знак)
38. *-manta* — „из“ (*manta* — „ткань“, из испанского языка; фонетический знак)
39. *jinari* — „итак“
40. *mana* — „нет“ (серия точек, возможно *manada* — „стадо овец“[?])
41. *allin-* — „хорошо“ (см. знак 37)
42. *-manta* — „из“ (см. знак 38)
43. *quespichihuyaycu* — „освободи нас“ (*quepi* — индейское произношение испанского слова *espiga*; изображен колос; фонетический знак)
44. Знак окончания

Мы замечаем здесь некоторые отклонения от приведенного выше официального текста «Отче наш», но это часто бывает. В приведенных знаках почти половина — прилизительные фонетические, а остальные — идеографические или символические. Следует отметить, что в некоторых случаях записано целое слово, включая аффиксы, между тем как в других последние отсутствуют. В текстах других районов этот недостаток встречается чаще. В Сан-Лукасе и его окрестностях окончания выписываются лучше и полнее. Текст из Окури, как уже говорилось, очень похож на предыдущий. Он начинается снизу слева, что можно заметить, проследив цифры.

Объясним только знаки, которые даны в другой форме или отличаются более или менее от знаков текста из Сан-Лукаса. Первые семь знаков похожи на знаки текста Хулиана Герреро, хотя есть маленькая разница в форме изображения неба, барабана и цветка. В восьмом знаке соответствия уже нет. Вместо одного знака здесь появляются два. У нас нет их перевода, но вероятно, что они соответствуют официальному тексту молитвы на кечуа, приведенному ранее (слова *karaj cainiyqui*); в других рукописях у того же Хулиана Герреро, например, в тексте молитвы «Радуйся, Мария», для изображения слова *karaj* («богатый или могущественный человек, многим обладающий») рисуется палочка, окруженная цветными точками. В разбираемом нами сочетании первый знак очень похож на этот.

Знаки 9 и 10 похожи на те же знаки у Герреро; последующий знак, помеченный цифрой 10-а, объяснить не можем. Знаки 11, 12, 13, 14 полностью совпадают. Далее следует знак 14-а, отсутствующий у Герреро, но который, очевидно, соответствует слову *imainachus* официального текста. Три последующих знака совпадают. 18-й знак отличается: может быть, это изображение тыквы. Вероятно, здесь употреблен другой фонетический знак для передачи того же слова.

Знаки с 19-го по 27-й совпадают, за исключением небольших расхождений. Самое большое расхождение появляется в знаке 22, где вместо одного человека с хлебом в руке изображены двое, один из которых его берет.

В 28-м знаке появляется различие, повторяется знак 27-й, что точно соответствует официальному тексту. Так же точно соответствуют этому тексту три последующих знака, как это видно по знаку 30 (*сина* «зернотерка»), который соответствует слову *sinata*. В последующих знаках появляется большее различие и несколько отличия, вероятно, и перевод текста. Совпадает, возможно, и знак 32, хотя это неясно. 33-й знак перенесен на место 35-го из-за изменения порядка слов. 34-й совпадает. 35-й знак текста Хулиана Герреро отсутствует, знаки 36 и 39 совпадают, а знаки 37 и 38 не совпадают. В этих случаях нет определенной связи с официальным текстом. Номера 40 и 41 переставлены. 42-й знак текста Герреро отсутствует в тексте из Окури, но так как он передает частицу, то это неудивительно. Вместо него есть другой знак, который мы не смогли объяснить. Два последующих знака полностью совпадают. Таким образом, эти два текста достаточно связаны между собой, несмотря на их различие. Возможно, что различия, которые появляются в строках 2-го текста, можно отнести просто к различиям в устной передаче молитвы.

Нам кажется, что мы смогли дать полное представление о способе записи. Отсюда ясно сходство описанного письма с древним астекиским письмом. Знаки в них различные, но основа одна и та же. Количество фонетических знаков в андском письме, по-видимому, больше, чем в письме астеков. Но в данном случае надо иметь в виду, что записи из района Сан-Лукаса в этом отношении уникальны. В рукописях других районов процент фонетических знаков достигает 20—25.

III

Мы не были первыми, кто видел образцы андского иероглифического письма, но мы первые увидели, как им пользуются, и первыми познакомились с индейскими писцами. Кроме того, мы нашли рукописи на глине, на камнях и т. д.

У историков испанского завоевания встречаются различные ссылки на письменность, которая, очевидно, и является данной письменностью. Больше того, один из них, Монтесинос, которого многие считали фантазером, приводит очень много ценных данных. Он дает нам название древней системы письма, которое, по его словам, существовало с давних времен. Современные индейцы — как кечуа, так и аймара — также употребляют это название — *quillca* или *quelca*. Они называют письмо также просто *lezo* «молитва», так как им теперь пользуются только для записи молитв.

Начиная с середины XIX в. эту письменность видел уже несколько человек, которые, однако, не проявили к ней должного интереса и поэтому не могли прийти к тем выводам, к которым пришли мы. Первым из них был И. Я. фон Чуди, который приобрел кожу с записью. Он опубликовал ее с частичным переводом, сделанным ему одной индейской девушкой. Но он полагал, что эта письменность возникла недавно, в начале XIX в., и употребляется только в местности Сампайа на берегу озера Титикака. Больше того, он утверждал, что она почти исчезла, так как эпидемия уничтожила тех многих индейцев, которые ее знали, и в живых осталась только одна девушка.

Винер также обнаружил письменность в Паукартамбо (Перу) и в Сика-Сика (Боливия), но не придавал своим находкам никакого значения, ограничившись публикацией двух параграфов и нескольких знаков. В это время он был занят переводом мнимой письменности, которую, как ему казалось, он нашел на старинных тканях на перуанском побережье. Поэтому он преиберег значением подлинной письменности, бывшей у него под рукой. Затем были найдены другие записи. Орасио Уртеага в Перу опубликовал некоторые тексты без переводов, а в 1910 г. была найдена запись на коже на острове Эль Соль, которую перевел годом позже в Ла-Пасе Франц Тамайа. Этому переводу не повезло, так как о нем не знали в научных кругах, а немного позже, в 1912 г., Артур Познанский в том же городе Ла-Пасе совершил с него плагиат. В этом плагиате для того, чтобы рукопись не была узнава, он изменил даже форму написания большей части знаков. Другие записи, найденные позднее, были опубликованы без переводов. Считалось, что они древние. В некоторых случаях их интерпретация перешла все границы фантазии. Норденшельд познакомился с этим письмом по публикации Чуди. Он сделал некоторые замечания и перепечатал запись на коже, опубликованную Чуди.

Нет сомнения, что индейская письменность возникла до открытия Америки Колумбом, хотя прямых доказательств этого нет. Неопровержимым доказательством являлась бы находка одного из таких текстов в погребении доколумбового периода. Но совершенно очевидная связь с другими системами письма американских индейцев показывает нам, что речь идет не о местном изобретении, а о диффузии, которая имела место в эпоху, предшествующую открытию Америки. Цифры, две черточки, означающие конец и т. д., совпадают с пиктографией индейцев Северной Америки и доказывают нам, что эта пиктография происходит от другой, более древней. Письменность куна в Панаме, некоторые записи центральной Мексики, так называемый «календарь» ин-

дейцев пима на северо-западе Мексики тоже тесно связаны с письмом андских индейцев. Письмо астеков, по-видимому, также восходит к древнему источнику, но оно сильно развилось само по себе. Это можно заметить, сравнивая наиболее совершенные атекские записи с наиболее примитивными. Последние ближе к тому письму, о котором идет речь, чем к своим более развитым формам. Это относится к начертанию, но не к количеству фонетических знаков. Наоборот, письмо майя совершенно отлично, или, во всяком случае, самостоятельное развитие его было столь интенсивным, что его родство с первоначальным письмом затемнено, так как до нас дошли только развитые формы письма майя. Все это дает нам право прийти к выводу, что все виды письма американских индейцев, с одним только исключением (и то не наверняка) в виде письма майя, родственны между собой и поэтому должны иметь общее происхождение¹.

Для того чтобы иметь полное представление о происхождении рассматриваемого письма, надо углубиться в изучение более примитивных его форм, а именно «глиняных писем», обнаруженных нами, что открывает широкую перспективу для исследования. Наиболее примитивные формы даже не имеют глиняной основы. Индейцы кладут в кучу разрозненные предметы, которые потом, когда хотят молиться или учить кого-либо молитвам, ставят в ряд на земле. Это несомненно более ранняя форма, чем употребление дисков и плоских прямоугольников, о которых мы говорили выше. Как нам рассказывали, хотя сами мы этого не видели, в некоторых районах севера провинции Потоси записи составляются из камешков различной формы и цветов, которые индейцы располагают в нужном порядке на земле. Кстати напомним, что, по словам Гарсиласо, индейцы запоминают театральные представления при помощи камешков и семян.

Торемада нам рассказывает о чем-то подобном в Мексике. В первое время после завоевания индейцы, которых миссионеры заставляли заучивать молитвы, запоминали их, отмечая слова камешками, причем каждый из камешков обозначал фразу. У индейцев гуарани в Парагвае, как об этом пишет Бертони, было подобное письмо, которым пользовались для передачи посланий. При этом употреблялись различные предметы: косточки, семена, камешки, нитки и т. д. Все это складывалось в небольшой мешок и относилось гонцом по назначению. Там эти предметы размещались соответствующим образом на земле и затем следовало чтение послания.

На перуанском побережье у древнего народа мочика за несколько веков до открытия Америки, очевидно, существовала подобная форма письма. Перуанский автор Ларко Ойле опубликовал несколько статей, описывая сосуды, на которых изображены гонцы, несущие в руках мешочки, а также персонажи, по-видимому, читающие запись, составленную при помощи бобов различных цветов и с разными пятнами. Эти бобы появляются также вокруг гонцов, и часто сам гонец изображается в виде боба с руками и ногами. Слова передаются здесь, по мнению Ларко Ойле, пятнами на бобах, а также надрезами на них. Это мнение, однако, было раскритиковано А. Виванте (особенно интерпретация персонажей перед бобами), который предполагает, что здесь изображена азартная игра с применением бобов в качестве фишек, распространенная среди индейцев Америки. Однако фигуры гонцов еще не объяснены; несколько мешочков, которые они переносили, были найдены в захоронениях. Подобные письмена существуют и в других частях света. Достаточно вспомнить «письмо цветов и листьев» в Малайе и «письмо палочек» у лоло на юге Китая.

Совершенно очевидно, что все указанные формы письма не только более примитивны, чем письмо на бумаге и на коже, но им предшествуют. Сами туземцы Боливии подтверждают это: когда у них спрашивают, что изображает какой-либо знак, они отвечают, что в «глиняном письме» это такая-то вещь. Например, на вопрос, который мы задали одному писцу о белом квадратике, он ответил, что в «глиняных письменах» был белый предмет. Отсюда ясно, что знаки, изображенные на бумаге, а еще раньше на коже, являются всего лишь копией «записей из глины».

Перед нами предстает путь развития письма, о котором раньше даже не подозревали. Это касается не только писем индейцев Америки, но и всего мира. Нам кажется, что эти формы письма не возникли в Америке, а были занесены сюда в результате миграций через океан, которые достигли Центральной Америки². Из всех вариантов письма, попавших в свое время в Америку, в Азии остались только упоминавшиеся нами ранее письмена Малайи и Китая.

Записи из отдельных кусочков камня, семян и прочего были самой примитивной формой письма и, возможно, употреблялись почти исключительно для счета. Увеличение форм знаков позволило составлять более сложные послания. В позднейший

¹ Не только письмо майя, но также и письмо сапотеков, ольмеков и тольтеков резко отличается по форме знаков от андского письма. Нуждается в дальнейшей аргументации и тезис о близости андского письма к пиктографии североамериканских индейцев. Следует иметь в виду, что происхождение письма излагается автором с позиций диффузионизма.

² В настоящее время нет никаких доказательств, подтверждающих наличие древних культурных связей между Юго-Восточной Азией и Центральной Америкой.

период знаки стали прикрепляться на глиняную пластинку, а потом изображаться на коже¹. Последнее не доказано, так как могло быть, что записи при помощи предметов были перенесены сразу на кожу, камень и т. п., а боливийские глиняные пластинки с записями появились в результате обратного влияния, в подражание постоянному расположению знаков, достигнутому на коже. Этой теоретической возможностью пренебрегать нельзя. Однако мы склоняемся больше в сторону признания приоритета рельефных знаков, укрепленных на твердой основе.

Подобные записи могли быть и предшественниками глиняных табличек древней Месопотамии. Сначала знаки лепились, позднее их начали чертить на глине, что привело к упрощению письма. Что касается узелкового письма, т. е. инкских кипу или письма при помощи ракушек (вамуны прокезов) и т. д., его можно, кажется, непосредственно связать с первым этапом в развитии письма, так как оно сохраняет большей частью числовой характер, хотя в зачаточной форме начинает передавать слова и предložения. Именно определенная последовательность узлов кипу могла явиться образцом для расположения в строку записей на глине и коже.

Что касается связи кипу (которые и сегодня употребляются в значительной части Боливии и Перу) с письмом, о котором мы говорили (как на глине, так и на бумаге и коже), то есть знак, доказывающий наличие между ними этой связи. В кипу различные числа, которые зафиксированы на одной нитке, отделяются друг от друга при помощи двух узлов, которые служат знаком разделения. В «глиняных письменах» встречается тот же знак разделения, употребляемый главным образом для указания конца. Он передается двумя палочками, а в записях на бумаге — двумя черточками, как мы видели на двух примерах «Отче наш».

Распространение в Америке различных производных форм древнего письма указывает нам на диффузию его в различные периоды времени. Нужно заметить, что в зоне высоких культур, т. е. в Перу и Мексике, существовали две системы письма: на бумаге и коже и при помощи отдельных предметов, в то время как у гуарани существовала только вторая из этих форм наряду с кипу (которым гуарани также пользовались), а среди индейцев Северной Америки была распространена первая в виде так называемой пиктографии.

Распространение этого письма на юге Амазонии относится к более раннему периоду, чем распространение его по равнинам Северной Америки. Это подтверждается и диффузией других элементов культуры, которые попали в Северную Америку из Центральной Америки в эпоху, почти предшествовавшую открытию Колумба.

Что касается ограниченного употребления письма (только для записи католических молитв), как это имеет место в Боливии, то это легко объяснить. Прimitивное письмо всегда имеет узкое применение. Нам думается, что оно применялось для посланий, и, кстати, вспомним пример Австралии, где «железные гонпов» соответствуют посланиям гуарани. Пиктография индейцев Северной Америки служит для записи посланий и истории племен, письмо куна в Панаме — для написания магических рецептов; письменность майя — для записи религиозных текстов, главным образом космогонических, а также для датирования памятников и т. д. Туземное боливийское письмо, видимо, первоначально было также специализировано и служило для религиозных записей, которые затем сменились христианскими текстами.

Д. Э. Ибарра Грассо

Перевели Ю. А. Зубрицкий и М. А. Лейтес

¹ Генетическая связь между так называемым «предметным письмом» и пиктографией весьма сомнительна. Гораздо вероятнее предположение, что «предметное письмо» и пиктография развивались параллельно.